Кошкина пижама (сборник)

Автор:
Рэй Брэдбери

Кошкина пижама (сборник)

Рэй Дуглас Брэдбери

Пьяные сенаторы проигрывают в индейском казино один штат за другим, пока не спускают всю страну.

Величайшим художником современности оказывается уличный хулиган, мастер граффити и аэрозольного баллончика.

«Мафиозная Бетономешалка» помогает Фрэнсису Скотту Фицджеральду дописать неоконченный роман о золотом веке Голливуда.

От современного классика американской литературы – двадцать неповторимых рассказов. И маленькая поэма в качестве эпилога.

Рэй Брэдбери

Кошкина пижама (сборник)

Посвящается Мэгги Пижама для кошки, навсегда.

Памяти Скипа – нежного брата, доброго друга, который разделил со мной те прекрасные юные годы в Гринтауне, штат Иллинойс.

Выражаю благодарность Донну Олбрайту за то, что перерыл мои подвалы и нашел рассказы, о которых я давным-давно позабыл. Ты по-прежнему мой «золотистый ретривер».

Вступление

Жив, здоров, пишу

Что можно сказать о моем сокровенном «я», о моем подсознании, о моем творческом демоне, который пишет за меня все эти рассказы?

Постараюсь найти какой-нибудь свежий способ, чтобы проникнуть в этот процесс, который вот уже семьдесят лет заставляет меня жить, двигаться и писать.

Двумя наглядными примерами того, как я работал начиная с сороковых годов и до сегодняшнего времени, являются мои рассказы «Куколка» и «Собиратель». (Прим.: «Куколка»[1 - В русских изданиях рассказ 1946 года «Chrysalis», о котором идет речь, назывался «Куколка» (пер. Н. Гончар) и «Превращение» (пер. Норы Галь). В данном сборнике рассказ «Chrysalis» называется «Куколка», чтобы избежать путаницы с другим рассказом этого же сборника «Превращение» («The Transformation»). (Прим. переводчика.)] в этом сборнике отличается от одноименного рассказа, опубликованного в 1946 году в журнале «Эмейзинг сториз» и позднее включенного в сборник «“К” значит космос» («S is for Space»). Просто мне так понравилось это название, что я использовал его дважды.)

Когда-то, в сороковые, мы с братом долгими летними днями проводили все свое свободное время на пляже. Он был настоящим серфингистом, а я плавал без доски и время от времени слонялся у причала Санта-Моники и перезнакомился со всеми волейбольными игроками и силачами, поднимавшими тяжести. Среди приобретенных друзей было и несколько цветных (в те времена все говорили «цветной»; термины «черный» и «афроамериканец» появились многими годами позже).

Меня заинтересовала идея о том, что цветные в самом деле способны сгореть на солнце; раньше такая мысль никогда не приходила мне в голову. Метафора налицо, я написал рассказ «Куколка», и вот теперь он впервые увидел свет. Я написал этот рассказ и отложил в стол задолго до начала движения за права человека; это продукт своей эпохи, и я надеюсь, он выдержит проверку временем.

«Будем самими собой» – это результат того, что я вырос в доме своей бабушки и отчасти был воспитан чернокожей няней по имени Сьюзен. Это была удивительная женщина, и все свое детство один раз в неделю я с нетерпением ждал ее прихода.

Когда в 1934 году моя семья переехала на запад, я потерял связь с большинством своих друзей в Уокегане, включая и Сьюзен. Она написала мне вдогонку, спрашивая, не может ли она поехать с нами и быть служанкой в нашей семье. Увы, это был разгар Великой депрессии, мой отец потерял работу, а брат поступил в Гражданский корпус охраны природных ресурсов, чтобы не быть обузой для нашей семьи. Мы были бедны, как церковные мыши, и сами едва держались на плаву. Мне пришлось написать Сьюзен, поблагодарить ее за доброту и пожелать ей счастья в будущем. Это навело меня на мысль когда-нибудь приехать в Уокеган, навестить друзей и повидаться со Сьюзен. Этого так и не произошло, но рассказ стал следствием того, как я воображал себе будущее, и того, что я оказался совсем не таким человеком, каким мне хотелось быть. Я получил известия о Сьюзен много лет спустя: она благополучно пережила весь оставшийся период Великой депрессии.

«Собиратель» – это уже совсем другой рассказ. Много лет назад, во время путешествия через Атлантику, мы с моей женой Мэгги встретили одного удивительного собирателя книг и основателя библиотек. Мы провели несколько часов в его обществе, и нас страшно заинтересовали невероятные истории, которые он рассказывал о своей жизни.

В конце нашей встречи мы оба, я и моя жена, были поражены одним неожиданным поворотом, о котором вы прочтете в рассказе.

Двадцать лет я хранил память об этом путешествии и о том джентльмене, но так и не использовал подаренную им метафору.

Но за прошедшие шесть недель со мной произошло нечто странное и удивительное. В начале ноября моя жена заболела, ее увезли в больницу, и она умерла как раз накануне дня Благодарения. Во время ее болезни и после, впервые за семьдесят лет, мой демон смирно сидел внутри меня. Не стало моей музы, моей Мэгги, и демон не знал, что ему делать.

Прошли дни, потом недели, и я начал уже спрашивать себя, буду ли я когда-нибудь снова писать; мне было непривычно просыпаться утром и не слышать пьесы, которую мои мысли разыгрывали в моей голове на подмостках моего собственного театра.

Но в одно прекрасное утро, несколько дней назад, я проснулся и увидел того джентльмена, «собирателя», который в ожидании сидел на краешке моей постели и который сказал: «В конце-то концов, напиши мою историю».

Обрадованный, впервые за полтора месяца я позвал свою дочь Александру и надиктовал ей этот рассказ.

Надеюсь, что, сравнив рассказы «Куколка» и «Собиратель», вы поймете: несмотря на разделяющее их время, моя способность распознать метафору не изменилась.

Разумеется, мои писательские способности, когда я писал «Куколку», были гораздо примитивнее, однако сама идея была сильная и достойная внимания.

Рассказ «Дело вкуса» стал следствием того, что в течение долгого времени в моей жизни мне приходилось сталкиваться с пауками: то в поленнице, когда я жил в Тусоне, или по дороге в Мехико, когда мы увидели такого огромного паука, что даже вышли из машины, чтобы рассмотреть его поближе. Он был крупнее моей ладони, ужасно красивый и мохнатый. Вернувшись в Калифорнию, я перво-наперво столкнулся с тем, что в каждом гараже в Лос-Анджелесе прячутся несколько дюжин пауков «черная вдова», так что надо быть осторожным, чтобы тебя не укусили эти ядовитые создания. А потом ты начинаешь думать: интересно, каково это, когда у тебя скелет снаружи, а не внутри, – так что я развернул эту идею в рассказе «Дело вкуса», где нарисовал мир живущих на далекой планете пауков, которые гораздо умнее, чем прилетевшие к ним инопланетные астронавты. Этот рассказ стал началом замысла киносценария, озаглавленного «Пришелец из космоса» («It Came from

Outer Space»), который я написал для студии «Юниверсал» несколько месяцев спустя. Так благодаря истории, захватившей мое воображение, я стал работать на студии и сделал неплохой фильм.

Что касается других рассказов этого сборника, большинство из них родились в моей голове практически мгновенно, и я едва успевал их записывать.

Однажды, полгода назад, я подписывал книги вместе с одним из своих молодых друзей, и мы стали с ним болтать об индейских казино, разбросанных по всем Соединенным Штатам. Неожиданно я сказал своему молодому приятелю: «А что, если кучка пьяных сенаторов проиграет Штаты владельцу какого-нибудь индейского казино»?

Не успел я это сказать, как тут же закричал: «Дай мне карандаш и бумагу», – набросал идею, а несколько часов спустя закончил писать рассказ.

Полгода назад, просматривая «Нью-Йоркер», я наткнулся на серию фотографий бедных оклахомцев, снятую как будто в тридцатые годы, когда они подались на запад по шоссе 66. Прочтя дальше, я обнаружил, что это были вовсе не оклахомцы, а нью-йоркские модели, наряженные в старые одежды и позировавшие в Нью-Йорке не ранее чем год назад. Это открытие настолько поразило и разгневало меня – как такая трагическая страница нашей истории могла стать темой для модного показа?! – что я написал рассказ «Шестьдесят шесть».

Эта книга также исполнена привязанности к моим любимым писателям. Никогда в жизни я не испытывал ревности или зависти к таким почитаемым мною авторам, как Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Мелвилл, Эдгар По, Оскар Уайльд и другие. Мне бы только хотелось, чтобы мои книги стояли на полках библиотек рядом с их книгами.

Потому-то я настолько беспокоился о состоянии ума и творческих способностях Фицджеральда, что часто выдумывал всякие машины времени, чтобы вернуться в прошлое и спасти его от самого себя; конечно, это была невыполнимая задача, но этого требовала моя любовь.

В данном сборнике вы найдете меня в роли защитника веры, помогающего Скотти завершить труд, который он должен был завершить, и без конца

увещевающего: не поклоняйся деньгам, держись подальше от киностудий.

Несколько лет назад, проезжая по автостраде в сторону Пасадены, я увидел потрясающие граффити, изображенные на бетонных стенах и на пролетах мостов: чтобы творить эту удивительную настенную живопись, неизвестным художникам приходилось висеть вниз головой. Эта мысль так меня захватила, что к концу дня я написал рассказ «Ole, Ороско! Сикейрос, s?!».

Рассказ о погребальном поезде Линкольна «Траурный поезд имени Джона Уилкса Бута/Уорнер Бразерс/MGM/NBC» кажется вполне понятным, поскольку мы живем в такое время, когда реклама стала своеобразным стилем жизни, подлинная сущность истории забывается и прославляются не герои, а преступники.

«Все мои враги мертвы» – также вполне прозрачная история. По мере старения мы обнаруживаем, что не только наши друзья растворяются в потоке времени, но и враги, которые не давали нам прохода в начальной, а потом в средней школе, исчезают, и мы вдруг понимаем, что в нас не осталось никаких враждебных воспоминаний! Я довел эту мысль до ее логического конца.

«“Восточный экспресс” в Вечность для Р. Б., Г. К. Ч. и Дж. Б. Ш.» – уже не рассказ как таковой, а скорее рассказ-поэма, в котором воплотилась моя беззаветная любовь к книгам и их авторам начиная с того времени, когда мне было восемь лет. Я не обучался в университете, поэтому библиотека стала для меня местом встречи с такими людьми, как Г. К. Честертон, Бернард Шоу и все остальные из той удивительной компании, что населяла книжные полки. Я мечтал, что однажды приду в библиотеку и увижу одну из моих книг прислоненной к одной из их книг. Я никогда не ревновал моих героев, никогда не завидовал им, мне лишь хотелось, как верному псу, бежать вслед их славе. Поэма родилась за один день, одним непрерывным потоком, так что я мог лишь незаметно, тихонько, как мышка, скользить по ней, слушая их фантастические беседы. Если в чем-то и выразилась моя жизненная цель на протяжении некоего периода, то именно в этой поэме – вот почему я решил включить ее в этот сборник.

В общем, большинство этих рассказов захватывали меня в различные моменты моей жизни и не отпускали до тех пор, пока я не закреплял их на бумаге.

Это говорит мой демон. Надеюсь, вы его послушаете.

Куколка

Далеко за полночь он вставал, оглядывал вынутые из коробок новехонькие флаконы, протянув руки, ощупывал их, потихоньку чиркал спичкой, чтобы прочесть эти белые этикетки, пока все его семейство безмятежно спало в соседней комнате. К подножию холма, на котором стоял их дом, подкатывало море, и, шепча про себя волшебные названия лосьонов, он слышал шипение волн, омывающих скалы и песок. Эти названия слетали с его языка, как песня: МЕМФИССКОЕ БЕЛОЕ МАСЛО, результат гарантирован, Мягкий Бальзам Теннесси… ОТБЕЛИВАЮЩЕЕ МЫЛО, СНЕЖНАЯ БЕЛИЗНА ХИГГЕН – они были словно солнечный луч, выжигающий тьму, словно вода, добела отмывающая белье. И тогда он откупоривал их, капал немного на руки, растирал и, подставив ладонь под свет спички, ждал, когда же наконец его руки станут белыми, как хлопковые перчатки. Но ничего не происходило, и он утешал себя тем, что, может быть, это произойдет завтра ночью или послезавтра, а возвратившись в постель, все лежал, не сводя глаз со стеклянных бутылок, громоздившихся над ним, как гигантские зеленые жуки, поблескивающие в слабом отсвете уличных фонарей.

«Зачем я это делаю? – думал он. – Зачем?»

– Уолтер? – издалека доносился негромкий голос матери.

– Да, ма?

– Ты не спишь, Уолтер?

– Нет, ма.

– Давай-ка лучше спи, – говорила она.

Утром он спустился с холма, чтобы в первый раз вблизи увидеть равномерно накатывающее море. Оно для него было каким-то чудом, поскольку никогда раньше он такого не видел. Они приехали из маленького городка в Алабаме, пыльного и душного, где были лишь пересохшие ручьи да грязные ямы: поблизости ни речки, ни озера, если только далеко ехать, – и это была их первая в жизни поездка, когда они на помятом «фордике», что-то негромко напевая, отправились в Калифорнию. Как раз накануне поездки Уолтер набрал нужную сумму, накопленную за год, и отослал деньги за двенадцать бутылок волшебного лосьона, которые пришли всего за день до отъезда. Так что ему пришлось упаковать их в коробки и тащить через долины и пустыни Америки, потихоньку пробуя то один, то другой лосьон в захудалых мотелях и уборных по дороге. В машине он садился на переднее сиденье, запрокинув голову, закрыв глаза, подставляя солнцу намазанное лосьоном лицо и ожидая, когда же оно станет молочно-белым. «Я уже вижу, – говорил он себе каждый вечер. – Я стал чуть-чуть белее».

– Уолтер, – говорила мать. – Что это за запах? Что это у тебя на лице?

– Ничего, мам, ничего.

Ничего? Он прошел по песку, остановился у зеленой воды, вынул из кармана один из флаконов, вылил тонкое колечко белесоватого вещества в ладонь и размазал его по лицу и рукам. Он мог бы, как ворон, лежать сегодня у моря весь день, чтобы солнце вытравливало добела его темную кожу. Может, ему нырнуть в волны, чтобы они хорошенько перелопатили его, как стиральная машина перелопачивает какую-нибудь темную тряпку, а потом выкинули бы его, задыхающегося, на песок сохнуть и жариться на солнце, пока на песке не останется лишь тонкий скелет, словно остов какого-то доисторического животного – белый, как мел, свежий и чистый.

«Результат ГАРАНТИРОВАН», – гласили красные буквы на этикетке. Это слово пылало в его мозгу. ГАРАНТИРОВАН!

– Уолтер, – опешив, скажет мать. – Что с тобой случилось? Ты ли это, сынок? Господи, ты белый, как молоко, сынок, белый, как снег!

Было жарко. Уолтер приостановился у мостков и снял ботинки. За его спиной от ларька с хот-догами доносились волны разогретого воздуха, запахи лука,

горячих булочек и франкфуртских сосисок. Из окошка выглянул человек с изрытым оспинами потным лицом и посмотрел на Уолтера; Уолтер, отведя взгляд, смущенно кивнул. Через минуту дверца ларька хлопнула, и Уолтер услышал звук решительно приближающихся шагов. Человек остановился, глядя в упор на Уолтера: в одной руке у него была серебряная лопаточка, на голове – засаленный и серый поварской колпак.

– Шел бы ты отсюда, – сказал он.

– Простите, сэр?

– Я сказал, пляж для ниггеров вон там. – Человек кивнул в том направлении, не сводя глаз с Уолтера. – Я не хочу, чтобы ты тут ошивался.

Уолтер удивленно смотрел на этого человека.

– Но это же Калифорния, – возразил он.

– Ты что, препираться со мной вздумал? – спросил тот.

– Нет, сэр, просто я сказал, что мы не на Юге, сэр.

– Где я, там и Юг, – отрезал человек и пошел назад к своему ларьку, там он шлепнул несколько бургеров на решетку и яростно припечатал их своей лопаткой, сверля Уолтера огненным взглядом.

Уолтер неторопливо повернул свое длинное тело и зашагал к северу. Диковинность и необычайность этого пляжа нахлынула на него волной прибоя и мелкого текучего песка. Дойдя до самого конца дощатой дорожки, он остановился и осторожно посмотрел на лежащего человека.

На белом песке в свободно изогнутой позе растянулся белый парнишка.

В огромных глазах Уолтера блеснул огонек удивления. Белые вообще все странные, но этот был страннее их всех, вместе взятых и завернутых в один кулек. Не сводя с него глаз, Уолтер похлопал одной коричневой ногой о другую. Похоже, белый парнишка чего-то ждал здесь, лежа на песке.

Он то и дело бросал нахмуренный взгляд на свои руки, поглаживал их, заглядывал себе через плечо, осматривая спину, пристально смотрел на свой живот и крепкие, стройные ноги.

Обеспокоенный, Уолтер сошел вниз с дощатой дорожки. Он сделал несколько осторожных шагов по песку и, с надеждой и тревогой облизнув пересохшие губы, встал над белым парнишкой, отбрасывая на него свою тень.

Белый мальчик лежал, безвольно раскинувшись, как марионетка без своих веревочек, совершенно расслабленный. Длинная тень легла на его руки, и он поднял на Уолтера спокойный взгляд, затем посмотрел в сторону, затем снова на Уолтера.

Уолтер подошел поближе, застенчиво улыбнулся и уставился куда-то вдаль, словно белый мальчишка смотрел вовсе не на него.

Паренек усмехнулся:

– Привет.

– Здорово, – очень тихо отозвался Уолтер.

– Отличный денек.

– Похоже на то, – улыбаясь, сказал Уолтер.

Но с места не сдвинулся. Он стоял, держа свои длинные, тонкие пальцы на боках и предоставив ветру гулять в убористых рядах своих черных волос, пока наконец белый паренек не сказал:

– Плюхайся рядом!

– Спасибо, – ответил Уолтер, немедленно повинуясь.

Паренек окинул взглядом все вокруг.

– Сегодня здесь маловато ребят.

– Лето кончилось, – осторожно заметил Уолтер.

– Да. Уроки начались неделю назад.

Они помолчали.

– Ты уже закончил школу? – спросил Уолтер.

– Да, в июне. Все лето работал, не было даже времени сходить на пляж.

– А теперь наверстываешь упущенное?

– М-да. Только вот не знаю, удастся ли загореть за две недели. В начале октября мне надо ехать в Чикаго.

– А-а-а, – понимающе кивнул Уолтер. – А я-то каждый день смотрел на тебя и думал, что ты тут делаешь.

Паренек вздохнул, лениво откинув голову на скрещенные руки.

– Что может быть лучше пляжа! Тебя как зовут? Меня – Билл.

– А я Уолтер. Привет, Билл.

– Здорово, Уолт.

На берег набежала тихая, сверкающая волна.

– Значит, тебе нравится пляж? – спросил Уолтер.

– Конечно, видел бы ты меня позапрошлым летом!

– Готов поспорить, ты тогда весь сгорел, – сказал Уолтер.

– Черта с два, я никогда не сгораю. Я только чернею и чернею. Становлюсь черным, как ниг… – Белый парнишка запнулся и умолк. На лице вспыхнул розовый румянец. – Я становлюсь совершенно черным, – неуверенно закончил он, от смущения не глядя на Уолтера.

Тряхнув головой, Уолтер тихонько, почти грустно рассмеялся, показывая, что не обратил внимания на обидные слова.

Билл с удивлением посмотрел на него:

– Что тут смешного?

– Ничего, – ответил Уолтер, глядя на бледные длинные руки, едва загорелые ноги и белый живот паренька. – Абсолютно ничего.

Билл растянулся, словно белый кот, стараясь вобрать в себя побольше солнца, чтобы оно прогрело каждую его расслабленную косточку.

– Сними рубашку, Уолт. Погрейся на солнышке.

– Нет, не могу, – сказал Уолтер.

– Почему?

– Я обгорю, – ответил Уолтер.

– Ха! – воскликнул белый паренек. И тут же, спохватившись, быстро отвернулся, заткнув себе рот ладонью. Он потупил взгляд, потом снова поднял глаза. – Прости, я думал, ты шутишь.

Уолтер опустил голову, моргая своими длинными красивыми ресницами.

– Все в порядке, – сказал он. – Я знал, что ты так подумаешь.

Билл посмотрел на Уолтера, как будто видел его в первый раз. Не зная, куда деваться от смущения, Уолтер подсунул свои голые пятки под ягодицы, потому

что они показались ему вдруг поразительно похожими на коричневые галоши. Коричневые галоши, потрепанные бурей, которая словно бы так толком и не началась.

Билл смутился.

– Я никогда об этом не задумывался. Я не знал.

– Да-да, мы тоже обгораем, – сказал Уолтер. – Стоит мне только скинуть рубашку, и – бац! – я уже весь в волдырях! Честное слово, мы обгораем.

– Черт бы меня побрал, – сказал Билл. – Черт меня дери. Я должен был это знать. Похоже, мы не слишком задумываемся о таких вещах.

Уолтер просеял песок в ладонь.

– Нет, – медленно произнес он, – похоже, не слишком.

Он поднялся.

– Ладно, пойду-ка я лучше обратно в гостиницу. Надо помочь матери на кухне.

– Увидимся, Уолт.

– Конечно. Завтра и послезавтра.

– О'кей. Пока.

Уолтер помахал рукой и стал быстро взбираться на прибрежный холм. На вершине он оглянулся. Билл по-прежнему лежал на песке, чего-то ожидая.

Уолтер закусил губу и встряхнул пальцами.

– Господи, – сказал он вслух, – этот парень просто чокнутый!

Когда Уолтер был совсем маленьким, он уже тогда пытался изменить порядок вещей. Как-то учительница в школе сказала, указывая на рисунок с рыбой:

– Обратите внимание, как обесцветилась и побелела эта рыба из-за того, что многие поколения ее предков плавали глубоко в Мамонтовой Пещере. Она слепа, ей не нужны зрительные органы, и…

В тот же день, много лет назад, Уолтер во весь дух примчался из школы домой и в нетерпении укрылся наверху, в чердачной каморке мистера Хэмпдена, дворника. Снаружи вовсю палило горячее алабамское солнце. Уолтер свернулся клубочком в этой нафталиновой темноте, слушая, как барабанно стучит его сердце. По пыльным доскам прошуршала мышь.

Он все понял. Белый человек, работающий на солнце, становится черным. Черный мальчик, прячущийся в темноте, становится белым. Ну конечно! Логично? Логично! Если что-то происходит одним образом, то другое должно происходить другим образом, верно?

Он лежал на этом чердаке, пока голод не заставил его спуститься вниз.

Уже стемнело. Зажглись звезды.

Он внимательно посмотрел на свои руки.

Они были по-прежнему коричневыми.

Ничего, подождем до утра! Это не считается! В темноте разницы не увидишь, нет, сэр! Подождем, подождем! Вдохнув полной грудью, остаток пути вниз по лестнице этого старого дома он проделал бегом, помчался скорей через рощицу в мамину хибарку и, не вынимая рук из карманов и не открывая глаз, скользнул в кровать. Он много думал, прежде чем заснуть.

Утром он проснулся в клетке из солнечных лучей, проникших сквозь единственное тесное окошко.

Его руки лежали поверх рваного лоскутного одеяла все такие же черные-пречерные.

Испустив тяжкий вздох, он зарылся лицом в подушку.

Каждый день после полудня Уолтера снова и снова тянуло на набережную, и каждый раз он делал огромный крюк, аккуратно обходя стороной торговца хот-догами и его тележку.

Происходит что-то очень-очень важное, думал Уолтер. Что-то меняется, эволюционирует. Он всматривался в мельчайшие детали умирающего лета, и это наводило его на глубокие раздумья. Все время до самого конца этого лета он пытался вникнуть в его суть. А осень уже вставала прибрежной волной, нависала над его головой и парила, вот-вот готовая обрушиться.

Каждый день Билл и Уолтер болтали вдвоем, так шел час за часом, а их руки, лежавшие рядом, начинали походить друг на друга, что до странности радовало Уолтера, завороженно наблюдавшего, как происходит это превращение, которое Билл заранее планировал и ради которого так терпеливо тратил свое время.

Билл чертил на песке рисунки бледной рукой, которая день ото дня становилась все чернее. Солнце окрасило каждый ее палец.

По субботам и воскресеньям приходили и другие белые парни. Уолтер хотел было пройти мимо, но Билл окликнул его и сказал, чтобы он оставался, черт побери! И Уолтер играл вместе с ними в волейбол.

Лето купало их в горячем пламени песка и зеленом пламени волны, пока не выполоскало их и не отлакировало дочерна. Впервые в своей жизни Уолтер чувствовал себя частью людской общности. Одним из людей, которые по своему выбору влезли в его кожу и приплясывали, становясь всё черней, по обе стороны от высокой волейбольной сетки, перебрасывая через нее мяч и заливистый смех, в шутку боролись с Уолтером, подначивали его и сталкивали в море.

Наконец однажды Билл похлопал Уолтера по запястью и вскричал:

– Смотри, Уолтер!

Уолтер посмотрел.

– Я чернее тебя, Уолт! – с удивлением воскликнул Билл.

– Черт возьми, черт меня побери, – бормотал Уолтер, переводя взгляд с одного запястья на другое. – М-м-м, хм, хм. Да, сэр, ты чернее меня, Билл. Точно, чернее.

Пальцы Билла задержались на запястье Уолтера, лицо вдруг приняло какое-то ошеломленное, слегка нахмуренное выражение, нижняя губа отвисла, а мысли лихорадочно замелькали в глазах. С резким смехом он отдернул руку и перевел взгляд на море.

– Вечером надену белую спортивную рубашку. Она будет шикарно смотреться. Белая рубашка с моим загаром – просто класс!

– Клянусь, это будет красиво, – сказал Уолтер, стараясь рассмотреть, на что же так уставился Билл. – Многие цветные носят черное и рубашки винного цвета, чтобы их лица казались белее.

– Это правда, Уолт? Я не знал.

Казалось, Билл почувствовал себя неловко, как будто подумал о чем-то для него невыносимом. И вдруг, словно его осенило, он сказал Уолтеру:

– Эй, вот деньги. Пойди купи нам с тобой парочку хот-догов.

Уолтер благодарно улыбнулся.

– Этот продавец хот-догов меня недолюбливает.

– Все равно, возьми деньги и иди. Наплюй на него.

– Ладно, – с неохотой сказал Уолтер. – Тебе всего положить?

– Полный набор!

Уолтер вприпрыжку помчался по горячему песку. Запрыгнув на дорожку, он вошел под ароматный навес палатки и остановился перед прилавком,

насвистывая, – высокий, осанистый.

– Два полных хот-дога с собой, пожалуйста, – сказал он.

Человек за прилавком застыл с лопаткой в руке. Он просто стоял, рассматривая Уолтера дюйм за дюймом, во всех подробностях, вертя в своих тощих пальцах лопатку. Молча.

Когда Уолтеру надоело стоять так, он повернулся и пошел прочь.

Уолтер шел не торопясь, позвякивая монетами в своей большой ладони и делая вид, будто ему наплевать. Звяканье прекратилось, когда Билл схватил его за плечи.

– Что случилось, Уолт?

– Этот тип все смотрел и смотрел на меня, вот и все.

Билл повернул его обратно.

– Давай! Мы получим эти чертовы хот-доги, или не знаю, что я сделаю!

Уолтер отступил.

– Я не хочу неприятностей.

– Ладно. Черт. Я сам куплю хот-доги. Жди здесь.

Билл подбежал к затененному прилавку и встал, облокотившись.

Уолтер ясно видел и слышал все, что произошло в следующие десять секунд.

Продавец хот-догов вскинул голову и бросил на Билла огненный взгляд.

– Проклятье, черномазый, опять ты здесь! – закричал он.

Наступило молчание.

Билл еще больше склонился над прилавком, ожидая.

Продавец хот-догов вдруг суетливо рассмеялся.

– Черт бы меня побрал. Привет, Билл! От воды слепит… ты выглядел точно как… Что желаешь?

Билл поймал продавца за локоть.

– Что-то не пойму. Я ведь чернее его. Так что же ты лижешь мой зад?

Лавочник не знал, что ответить.

– Но, Билл, ты стоял против света…

– А пошел ты!

Билл вышел под яркие лучи солнца, побледневший под своим загаром, взял Уолтера за локоть и зашагал прочь.

– Пошли, Уолт. Я не голоден.

– Странно, – отозвался Уолтер. – Я тоже.

Две недели закончились. Пришла осень. Два дня стоял холодный соленый туман, и Уолтер подумал было, что никогда больше не увидит Билла. Он бродил один вдоль набережной. Здесь было так тихо. Смолкли гудки. Деревянная обшивка последней из оставшихся палаток с хотдогами была сорвана и наспех прибита гвоздями, а по серому песку остывающего пляжа носился буйный одинокий ветер.

Во вторник на короткий миг выглянуло солнце, и, конечно, появился Билл, одиноко раскинулся на пустынном пляже.

– Думаю, это последний раз, что я пришел сюда, – сказал он, когда Уолт присел рядом. – Так что мы больше не увидимся.

– Едешь в Чикаго?

– Да. Все равно здесь уже нет солнца; во всяком случае, такого солнца, как я люблю. Так что лучше двигать на восток.

– Пожалуй, ты прав, – поддержал Уолтер.

– Мы неплохо провели эти две недели, – сказал Билл.

Уолтер кивнул.

– Мы отлично провели эти две недели.

– И я неплохо загорел.

– Очень неплохо.

– Правда, загар уже начинает сходить, – с сожалением продолжал Билл. – Жаль, что нет времени загореть так, чтоб держалось.

Он заглянул через плечо на свою спину и, согнув руки в локтях, пальцами стал проводить какие-то хватательные манипуляции.

– Смотри, Уолт, эта чертова кожа уже слезает, да к тому же чешется. Тебя не затруднит немного посдирать ее с меня?

– Не затруднит, – ответил Уолтер. – Повернись.

Билл молча повернулся, и Уолтер, с сияющими глазами, протянул руку и осторожно оторвал полоску кожи.

Кусочек за кусочком, чешуйка за чешуйкой, полоска за полоской он снимал темную кожу с мускулистой спины Билла, с его крепких плеч, шеи и позвоночника, обнажая бело-розовую подстежку.

Когда он закончил, Билл выглядел раздетым, одиноким и жалким, и Уолтер понял: он что-то сотворил с Биллом, но Билл принимает это философски, совершенно не беспокоясь, и тогда – впервые за все лето! – в голове Уолтера сверкнула яркая вспышка.

Он сотворил с Биллом нечто, что было правильно и естественно, чего нельзя избежать, от чего нельзя уклониться: так есть и так должно быть. Билл все лето ждал этого и думал, будто что-то обрел, но на самом деле этого не было. Ему лишь казалось, что оно есть.

Ветер унес прочь обрывки кожи.

– Ради этого ты пролежал здесь весь июль и август, – медленно проговорил Уолтер. Он выпустил из пальцев кусочек кожицы. – И все исчезло. А я терпел всю свою жизнь, и вот оно тоже уходит.

Он гордо повернулся спиной к Биллу и то ли с грустью, то ли с облегчением, но спокойно, сказал:

– А теперь попробуй-ка содрать ее с меня!

Остров

Зимняя ночь белыми клочьями носилась за освещенными окнами. Снежная вереница то выступала размеренным шагом, то взвивалась и закручивалась вихрем. Но непрестанно сыпала и ложилась белая крупа, бесконечно заполняя тишиной глубокую бездну.

Дом был заперт, заткнуты все щели, все окна, все двери и створы. В каждой комнате мягко светили лампы. Задержав дыхание, дом погрузился в теплую дрему. Вздыхали батареи. Тихо жужжал холодильник. В библиотеке, под зеленым, цвета лайма, абажуром керосиновой лампы, двигалась белая рука, скрипело перо, лицо склонилось над чернилами, высыхающими на этом искусственно-летнем воздухе.

На верхнем этаже в кровати лежала старая женщина и читала. Напротив, через гостиную, ее дочь раскладывала белье в гардеробной. Еще выше, в мансарде, ее сын, лет двадцати пяти, изящно стучал на пишущей машинке и бросал очередной комок бумаги в растушую на ковре кучу.

Внизу кухарка закончила мыть винные бокалы после ужина, с мелодичным звоном убрала их на полки, вытерла руки, поправила волосы и протянула руку к выключателю.

И в этот самый момент все пятеро обитателей заснеженного ночного дома услышали необычный звук.

Звук разбивающегося окна.

Он напоминал треск лунно-белого льда на полночном пруду.

Старая женщина села в своей кровати. Ее младшая дочь перестала раскладывать белье. Сын, собиравшийся было скомкать отпечатанную страницу, застыл, сжимая в кулаке бумагу.

Вторая дочь, в библиотеке, затаила дыхание, дав темным чернилам с почти различимым шипением беспрепятственно высохнуть на полпути к странице.

Кухарка остановилась, держа руку на выключателе.

Ни звука.

Тишина.

Только шелест холодного ветра, залетевшего в какое-то дальнее разбитое окно и гуляющего по комнатам.

Все головы, каждая в своей комнате, повернулись, посмотрели сперва на едва заметное шевеление коврового ворса, ласкаемого дыханием ветра, проскользнувшего под каждую дверь. Потом их взгляды метнулись к медным ручкам дверей.

Каждая дверь имела свою оборону, у каждой была система защиты – щеколда, цепочка, засовы, ключи. Мать за те годы, когда ее странности развивались, раскручиваясь как юла, пока не дошли до полного абсурда, носилась с этими дверями так, будто каждая из них была драгоценным, удивительным и новым живым существом.

Пока болезнь бесцеремонно не уложила ее в постель, она годами твердила всем, что боится всякой комнаты, которая не может мгновенно превратиться в крепость! Дом, где жили женщины (сын Роберт редко спускался со своей верхотуры), требовал средств быстрой защиты от слепой алчности, зависти и насилия этого мира, чья лихорадочная похоть лишь немного умерялась зимой.

Такова была ее теория.

– На что нам столько замков! – возмущалась Элис много лет назад.

– Настанет день, – отвечала ей мать, – и ты возблагодаришь Бога за один-единственный крепкий замок.

– Но грабителю, – говорила Элис, – достаточно всего лишь разбить окно, открыть эти глупые замки и…

– Разбить окно! И тем самым предупредить нас? Чепуха!

– Все было бы гораздо проще, если бы мы попросту держали деньги в банке.

– Опять чепуха! В двадцать девятом я хорошо узнала, что значит отнять у бедняка последнюю монету! У меня пистолет под подушкой, а деньги под кроватью! Я сама – Первый национальный банк Оук-Грин-Айленда!

– Банк с капиталом в сорок тысяч долларов?

– Замолчи! Почему бы тебе не выйти на улицу и не покричать об этом на всех углах? Кроме того, злодеи могут прийти не только за деньгами. А за тобой, за Мэделин… за мной!

– Мама, мама! Мы же старые девы, будем смотреть правде в глаза.

– Мы женщины, не забывай, женщины. А где остальные пистолеты?

– По одному в каждой комнате, мама.

И вот так, из года в год, вся эта домашняя артиллерия заряжалась и приводилась в боевую готовность, люки задраивались и отдраивались в зависимости от времени года. Вверх и вниз по проводам бежал сигнал внутреннего телефона, работающего от батарей. Дочери, хотя и не без улыбки, согласились на установку этих телефонов: по крайней мере, это избавит от необходимости кричать с этажа на этаж.

– А почему бы одновременно, – предложила Элис, – не обрезать внешний телефон? Вот уже давно никто из города из-за озера не звонил ни мне, ни Мэделин.

– К черту этот телефон! – подхватила Мэделин. – Каждый месяц он стоит нам кучу денег! Ну кому мы можем туда звонить?

– Мужланы, – отозвался Роберт, направляясь на свой чердак. – Все они мужланы.

И вот сейчас, глубокой зимней ночью, послышался один-единственный, одинокий звук. Звук разбивающегося оконного стекла, словно тонкий звон лопнувшего винного бокала, словно пробуждение от долгого и уютного зимнего сна.

Все пятеро обитателей этого дома-острова превратились в белые статуи.

Если бы кто-то заглянул в окна каждой комнаты, он бы подумал, что это музей восковых фигур. Каждый его обитатель, застывший от ужаса, был представлен в

последнее мгновение работы мысли: когда пришло осознание. В каждом из остекленевших глаз виднелась та же самая искра, которая мелькает и навсегда запечатлевается в памяти, когда на залитой солнцем поляне застывший в испуге олень медленно поворачивает голову, чтобы заглянуть в длинное, холодное дуло стального ружья.

Внимание каждого из пятерых было приковано к двери.

Каждый увидел, что от этой ожидающей, готовой замкнуться двери его кровать или кресло отделяет целый континент. Расстояние, незначительное для тела. Но психологически непреодолимое для разума. А вдруг, пока они будут делать этот бросок, этот длинный бросок, чтобы задвинуть засовы, повернуть ключи, нечто из холла прыжком преодолеет такое же расстояние и вломится в еще не запертую дверь?!

Эта мысль пронеслась в каждой голове со скоростью машинки для стрижки волос. Она пригвоздила их к месту. И не отпускала.

За ней пришла другая, успокаивающая мысль.

Ничего страшного, говорила она. Ветер разбил окно. Какая-нибудь ветка упала, конечно! Или снежок, брошенный каким-нибудь маленьким зимним шалунишкой, неслышно подкравшимся в ночи и неведомо куда направляющимся…

Все пятеро обитателей дома одновременно встали.

Коридоры сотрясались от ветра. Бледность хлопьями оседала на лицах семейства, засыпала снегом их воспаленные глаза. Все уже приготовились было схватиться за ручки своих дверей, распахнуть их, выглянуть наружу и крикнуть: «Это всего лишь упавшая ветка дерева, да!» – но тут послышался еще один звук.

Лязг металла.

А потом где-то, словно неумолимое лезвие огромной гильотины, начала подниматься рама окна.

Она ползла в своих проржавевших пазах. Она раззявила свой огромный рот, впуская в дом зимний холод.

Все двери в доме заколотились и заныли всеми своими петлями и порогами.

Порыв ветра задул лампы в каждой комнате.

– Никакого электричества! – когда-то, много лет назад, заявила мать. – Никаких подачек от города! Наш козырь – самодостаточность! Ничего не давать, ничего не брать.

Ее голос, затихая, канул в прошлое.

Не успели масляные лампы потухнуть, как в каждой комнате ярче, чем дрова в камине, вспыхнул и разгорелся страх.

Элис чувствовала, как он призрачным светом пылает на ее щеках. При свете этого ужаса, горевшего на ее челе, она могла бы читать книги.

По всей видимости, оставалось только одно.

Четверо людей, все вместе, каждый в своей комнате, одинаково бросились к своим дверям и начали ковыряться в замках, задвигать щеколды, накидывать цепочки, поворачивать ключи!

– Я в безопасности! – кричали они. – Я заперся, я в безопасности!

Так поступили все, кроме одного человека – кухарки. Она проводила в этом варварском доме каждый день лишь несколько часов, дикие страхи и паника матери ее не касались. Жизнь в городе за широким травяным рвом, забором и стеной с годами сделала ее практичной, и она размышляла всего мгновение. После чего совершила то, что должно было быть жестом спасения, но стало жестом отчаяния.

Рванув на себя дверь кухни, она распахнула ее и кинулась в большую гостиную при входе. Откуда-то издалека во тьме дул ветер, словно из ледяной глотки дракона.

«Сейчас выйдут остальные!» – подумала она.

Она быстро выкрикнула их имена:

– Мисс Мэделин, мисс Элис, миссис Бентон, мистер Роберт!

Затем, повернувшись, она бросилась через холл, в сторону завывающей тьмы открытого окна.

– Мисс Мэделин!

Мэделин, как Христос пригвожденная к двери своей гардеробной, еще раз повернула ключ в замке.

– Мисс Элис!

В библиотеке, где бледные листы бумаги плясали в темноте, как пьяные мотыльки, Элис отпрянула от своей запертой двери, нашарила спички и зажгла керосинку. В голове у нее стучало, будто внутри билось живое сердце, выдавливая глаза из орбит, не давая сомкнуться задыхающимся губам, закладывая уши, так что ничего не было слышно, кроме дикой пульсации и глухого, всасывающего дыхания.

– Миссис Бентон!

Старуха беспокойно заерзала на своей кровати, провела руками по лицу, стараясь придать его растаявшей плоти наиболее подходящее сейчас выражение потрясения. Затем ее пальцы простерлись в сторону незапертой двери.

– Идиоты! Чертовы идиоты! Кто-нибудь, заприте мою дверь! Элис, Роберт, Мэделин!

– Элис, Роберт, Мэделин! – эхом разносилось по темным коридорам.

– Мистер Роберт! – призывал его спуститься с чердака дрожащий голос кухарки.

Затем каждый из них по отдельности услышал ее крик. Один испуганный и осуждающий вскрик.

А затем – мягкий звук падающего на крышу снега.

Они все застыли на месте, осознавая, что значит это молчание. Они ждали какого-нибудь нового звука.

Кто-то, ступая неслышно, как в ночном кошмаре, будто босиком, медленно бродил по коридорам. Они чувствовали, как какая-то масса движется по дому, появляясь то тут, то там, то где-то вдалеке.

На дальнем столе библиотеки стояли два телефонных аппарата. Элис схватила один из них, задребезжала рычажком и прокричала:

– Барышня! Полицию!

Но тут она вспомнила: «Теперь никто больше не позвонит ни мне, ни Мэделин. Скажите в компании “Белл”, чтобы сняли наш телефон. Мы никого не знаем в городе».

«Будь практичной, – сказала тогда мать. – Оставь аппарат здесь, на случай, если мы когда-нибудь решим снова подключиться».

– Барышня!

Она бросила трубку и удивленно уставилась на нее, словно это было какое-то упрямое животное, которое она попросила исполнить простейший трюк. Она перевела взгляд на окно. Открой его, высунься наружу, кричи! Ах, ведь соседи-то сидят по домам в тепле, в своем отдельном далеком мирке, и к тому же завывает ветер, а вокруг – зима, ночь. Все равно что кричать на погосте.

– Роберт, Элис, Мэделин, Роберт, Элис, Мэделин!

Это мать кричит, вот тупица.

– Заприте мою дверь! Роберт, Элис, Мэделин!

«Я слышу, – думала Элис. – Мы все слышим. И он тоже ее услышит».

Она схватила второй телефон и трижды резко нажала на кнопку.

– Мэделин, Элис, Роберт! – разносился по коридорам голос матери.

– Мама! – закричала Элис в трубку. – Не кричи, не сообщай ему, где ты находишься, не сообщай ему о том, чего он не знает!

Элис снова застучала по кнопке.

– Роберт, Элис, Мэделин!

– Возьми трубку, мама, пожалуйста, возьми…

Клик.

– Алло, барышня, – раздался хриплый крик матери. – Спасите меня! Заприте дверь!

– Мама, это Элис! Тише, я тебя слышу!

– О господи! Элис, господи, дверь! Я не могу встать с постели! Как глупо, ужасно, столько замков – и я не могу до них добраться!

– Погаси лампу!

– Помоги мне, Элис!

– Я помогаю! Послушай! Найди свой пистолет. Выключи свет. Спрячься под кроватью! Давай же!

– О господи! Элис, приди, запри мою дверь!

– Мама, послушай!

– Элис, Элис! – послышался голос Мэделин. – Что происходит? Мне страшно!

И еще один голос:

– Элис!

– Роберт!

Они все кричали, едва ли не визжали.

– Нет, – сказала Элис. – Замолчите, все замолчите! Пока не поздно. Все до единого. Слышите? Возьмите свои пистолеты, откройте двери, выйдите в коридор. Мы все, все вместе против него одного. Понятно?

Роберт зарыдал.

Мэделин скорбно застонала.

– Элис, Мэделин, дети, спасите вашу мамочку!

– Мама, заткнись! – приказала Элис и монотонно повторила: – Откройте двери. Все разом. Мы можем это сделать! Сейчас!

– Он убьет меня! – кричала Мэделин.

– Нет, нет, – вторил ей Роберт. – Это бесполезно, бесполезно!

– Дверь, моя дверь… не заперта, – плакала мать.

– Послушайте, все!

– Моя дверь! – причитала мать. – О боже! Она открывается!

Из коридора донесся вопль, и тот же вопль раздался в телефоне.

Остальные ошеломленно смотрели на трубки в своих пальцах, ощущавших лишь биение их сердец.

Выше этажом хлопнула дверь.

Крик оборвался.

– Мама!

«Если б она не кричала, – думала Элис. – Если б она не выдала себя».

– Мэделин, Роберт! Пистолеты! Я считаю до пяти, и мы все разом выскакиваем! Раз, два, три…

Роберт застонал.

– Роберт!

Он упал на пол, сжимая в руке телефонную трубку. Его дверь по-прежнему была заперта. Его сердце остановилось.

– Роберт! – надрывалась трубка в его руке.

Он лежал неподвижно.

– Он у моей двери! – где-то наверху в заснеженном доме сказала Мэделин.

– Стреляй через дверь! Стреляй!

– Меня он не получит, нет, он до меня не доберется!

– Мэделин, послушай! Стреляй через дверь!

– Он копается в замке, он сейчас войдет!

– Мэделин!

Раздался выстрел.

Один-единственный выстрел.

Элис стояла одна в библиотеке, глядя на холодную трубку телефона в своей руке. В трубке царило гробовое молчание.

Внезапно наверху, за дверью, в холле она увидела в темноте этого незнакомца, который, улыбаясь, тихо скребся в дверную филенку.

Выстрел!

Незнакомец во тьме удивленно посмотрел вниз. Из-под закрытой двери медленно потекла тоненькая струйка крови. Кровь текла так спокойно, такой тонкой, блестящей струйкой. Все это Элис видела. И все это она знала: она слышала, как наверху, в темном холле, что-то движется, словно кто-то ходит от одной двери к другой, пробуя открыть двери и находя за ними лишь тишину.

– Мэделин, – в оцепенении произнесла она в трубку. – Роберт! – тщетно выкрикивала она их имена. – Мама!

Она закрыла глаза. «Почему вы меня не послушали? Если бы мы все сразу… выбежали…»

Тишина.

Снег, тихо кружась, сыпал, как из рога изобилия, щедро укрывая лужайку безмолвными сугробами. Элис осталась совсем одна.

Покачиваясь, она подошла к окну, открыла щеколду, с трудом подняла раму, откинула крючок ставней и распахнула их. Затем, перекинув ногу через подоконник, она уселась между теплым молчаливым уютом дома и заснеженной ночью. Она долго сидела так, неотрывно глядя на запертую дверь библиотеки.

Медная ручка единожды повернулась.

Элис завороженно смотрела, как она поворачивается. Будто блестящий глаз, глядящий на нее в упор.

Ей даже захотелось подойти к двери, отпереть замок и, приветливо кивнув, поманить рукой из мрака эту ужасную тень, чтобы посмотреть в лицо тому, кто одним легким ударом развеял в прах эту островную крепость. Элис обнаружила, что ее рука все еще сжимает пистолет, она подняла его и, дрожа, направила на дверь.

Медная ручка поворачивалась вправо-влево. За дверью слышалось тяжелое дыхание тьмы. Вправо-влево. С невидимой улыбкой.

Закрыв глаза, Элис трижды нажала на курок!

Когда глаза ее открылись, она увидела, что все выстрелы прошли мимо. Одна пуля попала в стену, другая в нижнюю часть двери, третья – в верхнюю. Какое-то мгновение Элис удивленно смотрела на свою неуклюжую руку, а затем отшвырнула пистолет.

Дверная ручка дергалась туда-сюда. Это было последнее, что увидела Элис. Блестящая дверная ручка, сверкающая, как глаз.

Перегнувшись через подоконник, она упала в снег.

Вернувшись несколько часов спустя вместе с полицейскими, она увидела на снегу следы своих ног, убегавших от тишины.

Она, шериф и его люди стояли под оголенными деревьями, вглядываясь в дом.

Казалось, в нем опять тепло и уютно, он снова был ярко освещен: сияющий и приветливый мирок посреди унылого пейзажа. Входная дверь была широко распахнута навстречу вьюгам.

– Господи, – сказал шериф. – Похоже, он вот так запросто открыл входную дверь и ушел, черт возьми, не заботясь, что кто-то может его увидеть! Надо же, вот это выдержка!

Элис шевельнулась. Тысячи белых мотыльков спорхнули с ее глаз. Она заморгала, а затем ее взгляд изумленно остановился. И тут у нее в горле, сперва тихий, медленно нарастая, затрепетал какой-то звук.

Она разразилась хохотом, перешедшим в задушенное рыдание.

– Смотрите! – вскричала она. – Только посмотрите!

Они посмотрели и увидели вторую, тянувшуюся от ступеней крыльца, цепочку следов, которые четко отпечатались на снежном белом бархате. Можно было видеть, как эти следы размеренно и даже как-то безмятежно пересекли двор перед домом и, уверенно и глубоко вдавливаясь в снег, направились дальше, скрывшись в холодной ночи и заснеженном городе.

– Его следы!

Элис наклонилась и вытянула руку, чтобы измерить их. Измерив, попыталась накрыть их, ткнув в снег ладонь с негнущимися пальцами. И расплакалась.

– Его следы! Господи, какой маленький человечек! Вы видите, какого они размера, видите? Господи, какой маленький человечек!

И в тот момент, когда она, встав на четвереньки, рыдая, припала к земле, снег, ветер и ночь сжалились над ней. Прямо на ее глазах падавший вокруг снег начал заметать эти следы, сглаживая, заполняя и стирая их до тех пор, пока наконец не оставил ни намека, ни воспоминания о том, какие они крошечные.

И тогда – только тогда – она перестала плакать.

Как-то перед рассветом

Глубокой ночью слышался плач, может даже истерика, потом горячие рыдания, а когда они немного утихали, перейдя во всхлипывание, я слышал сквозь стену мужской голос.

– Ничего, ничего, – говорил он, – ничего, ничего.

Я ложился на спину в своей ночной постели, слушал и терялся в догадках, а календарь на стене показывал август 2002 года. А этот человек и его жена – оба молодые, около тридцати, светловолосые и голубоглазые, со свежими лицами, если не считать глубоких скорбных складок у губ, – только недавно поселились в меблированных комнатах, где я обитал, работая сторожем в городской библиотеке.

И каждую ночь, каждую ночь за моей стеной повторялось одно и то же: она плакала, а он успокаивал ее своим мягким голосом. Я вслушивался, стараясь понять, отчего она плачет, но мне это никак не удавалось. Не потому, что он что-то сказал – в этом я был уверен, – и не потому, что он что-то сделал. Вообще-то, я почти не сомневался, что это начиналось просто так, поздно ночью, около двух часов. Она просыпалась, предполагал я, и тут до меня доносился первый испуганный вопль, а затем долгие рыдания. Они сводили меня с ума. Хоть я и стар, но не выношу, когда плачет женщина.

Я помню тот первый августовский вечер, когда месяц назад они приехали сюда, в этот глухой городишко в Иллинойсе, где в домах не зажигают свет, а все сидят на верандах, полизывая эскимо. Помню, как я прошел через кухню на нижнем этаже и остановился в окружении древних запахов готовящейся еды, слушая, как собака, которую я не видел, лакает воду из миски под плитой – ночные звуки капающей пещеры. А потом я прошел дальше, в темноту гостиной, где мистер Фиске, домовладелец, с распаленным от напряжения лицом яростно тряс кондиционер, который, скотина такая, никак не хотел работать. Наконец он вышел в душную ночь на комариную веранду – для комаров только и построенную, как утверждал мистер Фиске, но все равно туда выходил.

Я тоже вышел на веранду, сел и развернул сигару, чтобы отгонять комаров, а вокруг уже сидели бабушка Фиске, Элис Фиске, Генри Фиске, Джозеф Фиске,

Билл Фиске и еще шестеро других квартирантов и постояльцев, и все разворачивали эскимо на палочках.

В этот самый момент, будто выскочив из-под темной, влажной травы у подножия ведущей на веранду лестницы, появился этот человек со своей женой, и они уставились на нас, словно зрители в цирке летней ночи. У них не было багажа. Я навсегда это запомнил: у них не было багажа. И одежда, казалось, была им не по размеру.

– Есть ли здесь еда и ночлег? – нерешительно спросил мужчина.

Все вздрогнули от неожиданности. Наверное, я был единственным, кто заметил их первым. Затем миссис Фиске улыбнулась, поднялась со своего плетеного кресла и вышла вперед.

– Да, у нас есть комнаты.

– Сколько денег это стоит? – спросил человек из жаркой темноты.

– Двадцать долларов в день с едой.

Они как будто не поняли и переглянулись между собой.

– Двадцать долларов, – повторила бабушка.

– Мы остаемся здесь, – сказал мужчина.

– Не хотите ли прежде взглянуть? – спросила миссис Фиске.

Они поднялись на веранду, беспрестанно оглядываясь, словно кто-то за ними гнался.

Это была первая ночь, когда я услышал плач.

Завтрак подавали каждое утро, в полвосьмого: большие горы оладьев, огромные кувшины с сиропами, целые острова сливочного масла, тосты, множество кружек с кофе и кукурузные хлопья по желанию. Я как раз расправлялся со своими хлопьями, когда новоприбывшая чета медленным шагом спустилась с лестницы. Они не сразу вошли в столовую – у меня возникло ощущение, что они просто осматривают все вокруг. Поскольку миссис Фиске была занята, я подошел к ним, чтобы пригласить к завтраку: они оба, муж и жена, стояли как вкопанные и просто смотрели в окно, смотрели и смотрели на зеленую траву, на огромные вязы и голубое небо. Как будто никогда этого не видели.

– Доброе утро, – сказал я.

Их пальцы прикоснулись к салфеткам на столах, пробежали сквозь струи бамбуковой занавески в проеме двери, ведущей в гостиную. А один раз, мне показалось, они оба таинственно улыбнулись чему-то радостной, широкой улыбкой. Я спросил, как их зовут. Сначала они были озадачены этим вопросом, затем сказали:

– Смит.

Я по очереди представил их всем, кто был за завтраком, потом они уселись, долго смотрели на еду и наконец начали есть.

Разговаривали они очень мало, и то когда к ним обращались, так что у меня была возможность заметить красоту их лиц: тонкие и изящные линии подбородка, скул и лба, благородный прямой нос, светлые глаза… Только вот эти усталые складки вокруг рта…

Где-то посредине завтрака произошло одно событие, на которое я должен обратить особое внимание. Мистер Бриц, гаражный механик, сказал:

– Что ж, судя по газетам, сегодня президент снова собирал деньги на свою кампанию.

– Этот ужасный человек! Я всегда ненавидел Вестеркотта, – рассерженно фыркнул новоприбывший, мистер Смит.

Все посмотрели на него. Я тоже перестал есть.

Миссис Смит сердито взглянула на мужа. Тот негромко кашлянул и снова принялся за еду.

Мистер Бриц на мгновение нахмурился, а затем все мы закончили завтрак, однако я запомнил. Мистер Смит сказал тогда: «Этот ужасный человек! Я всегда ненавидел Вестеркотта».

Никогда не забуду.

В ту ночь она снова кричала, словно заблудилась в лесу, а я еще целый час не мог заснуть, размышляя.

У меня вдруг накопилось к ним столько вопросов. Однако встретиться с ними было практически невозможно, поскольку они постоянно сидели в своей комнате взаперти.

Впрочем, на следующий день была суббота. Я на мгновение повстречался с ними в саду, где они оба смотрели на розы: просто стояли и смотрели на них, не трогая, – и крикнул им:

– Отличный денек!

– Изумительный, изумительный день! – воскликнули оба почти в унисон и сконфуженно засмеялись.

– Ну, не настолько уж он хорош, – улыбнулся я.

– Вы даже не представляете, насколько он хорош, насколько он изумителен… вы даже подумать не можете, – сказала женщина, и отчего-то слезы вдруг навернулись у нее на глаза.

Я остановился в недоумении.

– Простите, – сказал я. – С вами все в порядке?

– Да, да.

Она высморкалась и отошла немного подальше, чтобы сорвать несколько цветов. Я стоял, глядя на яблоню, увешанную красными плодами, и наконец, собравшись с духом, спросил напрямик:

– Позвольте узнать, мистер Смит, откуда вы?

– Из Соединенных Штатов, – медленно произнес он, словно нанизывая слова одно на другое.

– Ах, а мне сперва показалось, что…

– Что мы из другой страны?

– Да.

– Мы из Соединенных Штатов.

– А чем вы занимаетесь, мистер Смит?

– Я размышляю.

– Понимаю, – сказал я, хотя все эти ответы были менее чем удовлетворительны. – А кстати, как зовут мистера Вестеркотта?

– Лайонел, – ответил мистер Смит и испытующе посмотрел на меня.

Лицо его побледнело. Его охватила тревога.

– Прошу вас, – негромко воскликнул он. – Зачем вы задаете эти вопросы?

И они поспешно ушли в дом, прежде чем я успел извиниться. На лестнице они выглянули в окно, посмотрев на меня, словно я был каким-то местным

соглядатаем. Я почувствовал стыд и презрение к самому себе.

В воскресенье утром я помогал убирать в доме. Я постучал в дверь Смитов, но ответа не последовало. Впервые в жизни приложив ухо к двери, я услышал тиканье: негромкое щелканье и бормотанье множества часов, мерно постукивающих в комнате. Я застыл в ошеломлении. Тик-так-тик-так-тик-так! Два, нет, три часовых механизма! Когда я открыл дверь, чтобы вынести мусорную корзину, то увидел часы, рядами стоящие на письменном столе, на подоконнике и у ночного столика: большие и маленькие часы, показывающие один и тот же предполуденный час и тикающие, словно комната была полна цикад.

Столько часов! Но зачем? Я терялся в догадках. Ведь мистер Смит сказал, что он мыслитель.

Я понес корзину вниз, к мусоросжигателю. Выгружая мусор, я нашел в корзине носовой платок миссис Смит. Я погладил его, вдыхая цветочный аромат. А затем бросил в огонь.

Платок не загорелся.

Я потыкал его кочергой и засунул поглубже в топку.

Но платок никак не хотел гореть.

Вернувшись к себе в комнату, я достал зажигалку, от которой прикуривал сигары, и поднес ее к платку. Но он упорно не желал гореть, и я не смог даже разорвать его.

А потом я вспомнил их одежду. И понял, почему она показалась мне странной. Мужской и женский покрой был обычен для этого времени года, но ни на одном пиджаке, рубашке, платье или туфлях не было ни единого, черт побери, шва, нигде!

Позднее в тот же день они снова вышли погулять по саду. Выглядывая украдкой из своего окна наверху, я видел, как они стоят вдвоем, держась за руки, и о чем-

то горячо разговаривают.

И тут произошло нечто ужасное.

В небе раздался гул. Женщина посмотрела на небо, вскрикнула, закрыла лицо руками и повалилась на землю. Лицо мужчины побледнело, он растерянно поглядел на солнце, затем упал на колени подле жены, уговаривая ее подняться, но она продолжала лежать, истерически рыдая.

Пока я спускался по лестнице, спеша на помощь, они уже исчезли. Очевидно, обежали вокруг дома с другой стороны, пока я огибал его с этой. На небе ничего не было, гул постепенно затих.

«Почему, – думал я, – простой и обычный звук самолета, летящего где-то высоко в небе, вызвал у них такой ужас?»

Через минуту самолет возвратился, и на его крыльях я прочел:

ОКРУЖНАЯ ЯРМАРКА!

НЕ ПРОПУСТИТЕ!

СКАЧКИ! РАЗВЛЕЧЕНИЯ!

«Решительно ничего страшного», – подумал я.

В половине десятого я проходил мимо их комнаты: дверь была открыта. На стенах я увидел висящие в ряд три календаря, на каждом из которых была ярко обведена дата: 18 августа 2035 года.

– Добрый вечер, – поздоровался я. – Надо же, сколько у вас тут отличных календарей. Весьма полезная и удобная штука.

– Да, – ответили они.

Я прошел дальше в свою комнату и остановился там в темноте, пока наконец не зажег свет, размышляя, зачем им понадобились три календаря, да еще и на 2035 год. Безумие. Но они были не безумцы. Все, что касалось их, было чистым безумием, кроме них самих: они были нормальными, здравомыслящими людьми с красивыми лицами. Однако у меня в голове стало кое-что складываться: настольные часы, и еще те, что они носили на руке – по тысяче долларов каждые, если я хоть что-то понимаю в часах, – и сами они беспрестанно проверяют время. Я вспомнил платок, который не горит, и бесшовную одежду, и фразу: «Я всегда ненавидел Вестеркотта».

Я всегда ненавидел Вестеркотта.

Лайонел Вестеркотт. Во всем мире не найдется двух людей с таким необычным именем. Лайонел Вестеркотт. Стоя в летней мгле, я тихо повторил это самому себе. Был теплый вечер, мотыльки тихо кружили, шлепая бархатными крыльями о противомоскитную сетку на моей двери. Я уснул прерывистым сном, думая о своей неплохо оплачиваемой работе, об этом милом городке, где все спокойно, все счастливы, и об этих двух людях, которые, похоже, не были счастливы в этом городе и вообще в этом мире. Их усталые складки вокруг рта не давали мне покоя. И еще эти порой усталые глаза, слишком усталые для таких молодых людей.

Должно быть, я все-таки немного вздремнул, потому что в два часа ночи, как обычно, меня разбудил ее плач, но на сей раз она кричала: «Где мы, где мы, как мы сюда попали, где мы?» А затем его голос: «Тише, тише, замолчи, пожалуйста», – и он успокаивал ее.

– Мы в безопасности, в безопасности, в безопасности?

– Да, да, дорогая, да.

И снова рыдания.

Наверное, я мог бы подумать черт знает что. Большинство приняли бы этих людей за убийц, скрывающихся от правосудия. Но мне такое даже в голову не пришло. Вместо этого я лежал в темноте, слушая, как она плачет, и от ее плача у

меня разрывалось сердце и кровь стучала в груди и в висках; мне было так невыносимо жаль ее за эту печаль и одиночество, что я встал с постели, оделся и вышел из дома. Я зашагал по улице и, прежде чем осознал, куда иду, очутился на холме над озером, где возвышалось темное и огромное здание библиотеки, а в руке у меня был мой ключ сторожа. Не раздумывая, зачем я это делаю, в два часа пополуночи я вошел в огромный пустынный холл, прошел через безлюдные залы и флигели, зажег несколько ламп. Затем я снял с полки пару больших книг и начал просматривать параграф за параграфом, строчка за строчкой, страница за страницей, и так провел я около часа в это раннее-раннее, темное утро. Я подвинул себе кресло и уселся. Потом взял еще несколько книг. И снова мои глаза устремились на поиски. Я начал уже уставать. Наконец моя рука остановилась на имени: «Уильям Вестеркотт, политик, г. Нью-Йорк. Женился на Эмми Ральф в январе 1998 года. Сын, Лайонел, родился в феврале 2000 года».

Я захлопнул книгу, вышел из библиотеки, запер дверь и зашагал домой сквозь прохладное летнее утро, под яркими звездами в черном небе.

Остановившись перед спящим домом, я постоял немного, глядя на безлюдную веранду и колыхающиеся от теплого августовского ветерка занавески в каждом из окон, держа в руке сигару, но так и не закурил. Я прислушался: над моей головой, словно крик ночной птицы, слышался одинокий плач женщины. «Ей снова приснился кошмар, а ведь кошмары, – думал я, – это воспоминания, они основаны на каких-то воспоминаниях, живых, очень страшных и невероятно подробных воспоминаниях, и вот ей опять приснился кошмар, ей страшно».

Я окинул взглядом город вокруг – маленькие домики, в которых живут люди, – расстилающиеся за ними на десять тысяч миль поля, луга, фермы, реки, озера, шоссейные дороги, холмы, большие и маленькие города, так мирно спящие в этот предрассветный час, и уличные фонари, уже гаснущие за ненадобностью в это ночное время. И еще я подумал обо всех людях на всей земле, обо всех грядущих годах, обо всех нас, у кого в этом году есть хорошая работа, обо всех, кто счастлив в этом году.

Потом я поднялся наверх, прошел мимо их комнаты, лег в кровать и прислушался: там, за стеной, женщина тихо повторяла снова и снова: «Мне страшно, мне страшно» – и плакала.

И в своей постели мне было так холодно, как будто под одеялом у меня лежал кусок древнего льда, я дрожал, и, хотя я ничего не знал, я знал всё, ибо я знал

теперь, откуда были эти путешественники, и о чем были ее кошмары, и чего она боялась, и от чего они спасались бегством.

Я представлял себе это перед тем, как погрузиться в сон, и женский плач постепенно затихал в моих ушах. «Лайонел Вестеркотт, – думал я, – в 2035 году ему будет достаточно лет, чтобы стать президентом Соединенных Штатов».

И мне почему-то расхотелось, чтобы утром встало солнце.

Слава вождю!

– Как-как, еще раз?

Молчание.

– Не могли бы вы повторить?

Молчание и отрывочное бормотание в трубке.

– Что-то с телефоном. Не могу поверить своим ушам! Повторите-ка еще раз.

Правительственный чиновник медленно встал со своего кресла, придавив к уху телефонную трубку. Не спеша выглянул в окно, посмотрел на потолок, на стены. Затем снова медленно сел.

– Повторите, что вы сказали.

В трубке раздалось шуршание.

– Сенатор Хэмфритт, говорите? Минутку. Я сейчас вам перезвоню.

Чиновник повесил трубку, повернулся на кресле и посмотрел на Белый дом по ту сторону лужайки.

Затем протянул руку и нажал кнопку интеркома.

Когда его секретарша появилась в дверях, он сказал:

– Садитесь, вы должны это слышать.

Он взял трубку, настучал на клавиатуре номер и нажал громкую связь.

Когда голос на том конце ответил, чиновник сказал:

– Говорит Элиот. Это вы звонили несколько минут назад? Вы. Так, давайте вернемся подробнее к нашему разговору. Как вы сказали, сенатор Хэмфритт? Индейское казино? В Северной Дакоте? Хорошо. Сколько было сенаторов? Тринадцать? И они были там вчера вечером? Вы точно уверены? А он не был пьян? Был? Ладно, сейчас уже поздно, но я все-таки позвоню президенту.

Чиновник положил трубку и медленно повернулся к секретарше.

– Вы знаете этого идиота Хэмфритта?

Она кивнула.

– А знаете, что этот чертов придурок натворил?

– Не терпится узнать.

– Несколько часов назад он отправился вместе с двенадцатью другими сенаторами в индейскую резервацию в Северной Дакоте. Сказал, что собирается провести маркетинговые исследования на их территории.

Секретарша слушала молча.

– Потом он сел играть в рулетку с главой самого большого племени, вождем Железное Облако. Они поставили на кон Нью-Йорк и проиграли.

Секретарша подалась вперед.

– Потом они начали ставить на кон штаты… и проиграли! К двум утра, пьянствуя с индейским вождем, они умудрились проиграть все Соединенные Штаты Америки.

– Вот дерьмо, – произнесла секретарша.

– Наверное, мне придется покончить с собой, но сначала… кто позвонит в Белый дом и скажет об этом президенту?

– Только не я, – ответила секретарша.

Президент Соединенных Штатов бежал по бетонной полосе аэропорта.

– Господин президент! – крикнул один из атташе. – Вы не одеты!

Президент бросил взгляд на пижамные штаны, выглядывающие из-под пальто.

– Переоденусь в самолете. Куда мы, черт возьми, летим?

Атташе повернулся к пилоту:

– Куда мы, черт возьми, летим?

Пилот заглянул в план полета и сказал:

– «Покахонтас-Биг-Ред-Казино», Оджибвей, штат Северная Дакота.

– Где это, черт возьми?

– У канадской границы, – ответил атташе. – Место безопасное. На выборы ходят одни олени. В прошлом году мы одержали там полную победу.

– А аэропорт достаточно большой, чтобы принять борт номер один? – спросил президент.

– Едва-едва.

– Который час?

– Три утра.

– Господи, чего только не сделаешь, руководя страной, – вздохнул президент.

В самолете, пока разливали напитки, президент сел и попросил:

– Доложите мне подробности.

– Так вот, господин президент, все обстоит следующим образом. В Северной Дакоте проходила встреча сенаторов от Демократической партии. Тринадцать из них отправились в «Покахонтас-Биг-Ред-Казино» и всю ночь там кутили.

– Расскажите мне еще раз, как это было, – произнес президент Соединенных Штатов.

– Так вот, потихоньку, помаленьку, кончилось тем, что они профукали всю страну.

– За одну ставку?

– Нет, насколько мне известно, по одному штату за раз.

– Боже мой.

– Если быть точным, сэр, сначала они проиграли Нью-Йорк-сити, а первым потерянным штатом была Флорида.

– Логично.

– Потом они продули большинство южных штатов. Это как-то связано с Гражданской войной.

– То есть?

– Я не знаю. Все это пока весьма туманно. Но память о Гражданской войне не стерлась и по сей день, и, похоже, демократы из южных штатов решили вернуть их обратно краснокожим.

– Так, а дальше?

– Ну а потом они спустили штат за штатом, кончая Аризоной, и в результате, как вы уже знаете, последнего хода вся Красотка Америка от моря до моря перешла в собственность Железного Облака.

– Индейского вождя?

– Да. Он владелец казино.

Президент задумался, а затем произнес:

– Раз они пьют, выпью-ка и я. Налейте мне еще.

Президент Соединенных Штатов решительным шагом вошел в «Покахонтас-Биг-Ред-Казино» и огненным взглядом окинул зал.

– Где это логово заговорщиков?

Атташе указал пальцем.

– А где эти прогнившие олухи, эти чертовы идиоты сенаторы?

– В логове, разумеется.

Президент с грохотом распахнул дверь, и перед ним предстали тринадцать насмерть перепуганных сенаторов, потупивших взоры.

– Всем сесть! – взревел президент. – Нет, всем стоять, пока я вас не отпинаю как следует! Теперь слушайте. Все трезвые?

Они кивнули.

– Тогда нам всем надо выпить!

Смит, атташе, бросился вон из комнаты. Через несколько мгновений принесли водку.

– О'кей, давайте выпьем и решим, как нам разгрести это дело.

Он бросил на них сердитый взгляд и сказал:

– Господи, да что вы прямо как на похоронах!

Долгое молчание.

– Кто ответственный? Сенатор Хэмфат?

– Хэмфритт, – шепнул один из сенаторов.

– Хэмфритт. Так, продолжай. Кстати, Смит, агентства новостей в курсе?

– Пока нет, сэр.

– Боже, если пресса пронюхает, нас порвут на части.

– Час назад звонили из Си-эн-эн, интересовались, что происходит…

– Пошлите кого-нибудь, чтоб заткнули им рот.

– Мы не можем, господин президент.

– Постарайтесь.

Президент снова повернулся к тринадцати сенаторам.

– Ладно, расскажите-ка мне, как это вам удалось профукать все наши великолепные пурпурные горы и фруктовые долины.

– Не сразу, не одним махом, – ответил один из сенаторов. – Это происходило по частям.

– По частям! – взревел президент.

– Мы начали с малого, потом все больше и больше. Сначала мы сели играть в покер, но увлеклись и перешли на блэк-джек, а затем нам приглянулась рулетка.

– Ну конечно, рулетка. На ней быстро можно все спустить.

– Быстро, – согласились, кивая, сенаторы.

– В общем, вы же знаете, как это бывает: когда проигрываете, вы удваиваете ставки. Ну и мы удвоили ставки, предложили индейцам Северную и Южную Каролину и, ей-богу, опять продули. Потом мы еще немного выпили, вошли в раж и предложили им Северную и Южную Дакоту – и проиграли!

– Продолжай, – сказал президент.

– Затем мы поставили на кон Калифорнию.

– В качестве двойной ставки?

– Да, сэр, на самом деле Калифорния идет за четыре штата: Север, Юг, Голливуд и Лос-Анджелес.

– Вот как, – произнес президент.

– Короче, через несколько часов мы проиграли почти всё, и тут у кого-то возникла идея позвонить в Вашингтон.

– Рад, что такая мысль пришла вам в голову, – сказал президент. – Смит, вся эта чепуха имеет какую-нибудь юридическую силу?

– Только если вы принимаете во внимание реакцию Франции, Германии, России, Японии и Китая, господин президент.

– Отлично. А в этом чертовом казино есть какие-нибудь юристы?

– Конечно, – сказал атташе. – Две сотни юристов как раз играют в покер наверху. Позвать кого-нибудь из них?

– Ты что, придурок?! – произнес президент. – Да мы тогда через час окажемся по уши в дерьме!

Президент опустился в кресло и долго сидел, закрыв глаза, как будто безоглядно несясь навстречу глухой стене, обхватив колени ладонями, так что косточки побелели.

Полдюжины раз он облизывал пересохшие губы, но лишь когда он сильнее стиснул колени, из его рта со свистом и шипением стали вырываться проклятия:

– Глупцы, тупицы, придурки, недоумки безмозглые…

– Да, сэр, – сказал один из сенаторов.

– Я не закончил! – взревел президент.

– Да, сэр.

– Чертовы недоумки, ничтожества…

Президент замолк.

– Скоты безмозглые, – подсказал кто-то.

– Пропойцы, недоделанные ублюдки!

Все закивали.

– Дебилы, кретины, дегенераты, жалкие идиоты! Господи Иисусе! Боже всемогущий!

Президент открыл глаза.

– Вы хоть понимаете, что на нашем фоне ООН будет выглядеть как сборище ангелов? Скопище Эйнштейнов! Собрание Отцов, Сыновей и Святых Духов!

Молчание.

– Господин президент, сядьте, у вас лицо красное.

– Я думал, оно должно быть багровым, – сказал президент. – В Конституции есть статья, которая дает президенту право зверски убить, зарезать, повесить, казнить на электрическом стуле или четвертовать этих тупоголовых сенаторов?

– В Конституции нет, господин президент, – ответил Смит.

– На следующем заседании Конгресса пусть включат.

Наконец он немного успокоился и расслабил сжатые в кулаки пальцы. Он по очереди вгляделся в каждую из ладоней, словно на них могло быть начертано решение. Слезы закапали с его ресниц.

– Что же нам делать? – простонал он. – Что же нам делать?

– Господин президент.

– Что же нам делать? – тихо повторил он.

– Сэр.

Президент поднял глаза.

Перед ним стоял представитель коренного североамериканского населения в высокой шляпе. Он был необычайно приземист и смахивал на скво.

Этот коротенький индейский джентльмен произнес:

– Вы позволите мне один совет, сэр? Вождь Совета племен ирокезов и чиппеуа города Уокеша и владелец этого казино, а теперь и хозяин Соединенных Штатов Америки интересуется, не желаете ли вы получить у него аудиенцию.

Президент Соединенных Штатов попытался встать.

– Сидите.

Коротышка в высокой черной шляпе повернулся, открыл дверь, и в комнату торжественно вплыла огромная темная фигура.

Этот человек со стальными глазами вошел неслышной, мягкой походкой дикой рыси: тень, скользнувшая во тьму. Он был едва ли не семи футов ростом, а этот взгляд на невозмутимом лице был взглядом в Вечность; словно умершие президенты и безвестные индейские воины сурово смотрели сквозь бездонные глаза этого необычного посетителя.

Кто-то – быть может, маленький женоподобный провожатый, – похоже, начал вполголоса напевать какую-то торжественную мелодию, что-то про славного вождя, какие-то приветствия.

Могучий голос владельца многочисленных казино загудел приглушенными раскатами грома.

Женоподобный слуга-коротышка перевел:

– Он спрашивает, в чем дело, похоже, у вас проблемы?

Тут у сенаторов разом возникло непреодолимое желание броситься к выходу, но что-то заставило их замереть на месте: тихое пощелкивание лопающихся сосудов на лбу президента Соединенных Штатов.

Президент потер голову, чтобы как-то успокоить взбесившиеся вены, и прошипел:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В русских изданиях рассказ 1946 года «Chrysalis», о котором идет речь, назывался «Куколка» (пер. Н. Гончар) и «Превращение» (пер. Норы Галь). В данном сборнике рассказ «Chrysalis» называется «Куколка», чтобы избежать путаницы с другим рассказом этого же сборника «Превращение» («The Transformation»). (Прим. переводчика.)

Купить: https://tellnovel.com/rey-bredberi/koshkina-pizhama-sbornik-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити